

Глава 1.1

Ее звали Сорок Три. Как и у всех остальных здесь, у нее не было имени. Она ничего не помнила о том, что было до того, как она приехала сюда, кроме белых грушевых цветов, которые тянулись поперек дороги, блокируя карету, и полей, заполненных пастушьей сумкой. Это было все ее детские воспоминания.

Затем пришло обучение — обучение, чтобы стать воином смерти. Конечной целью этого обучения было погасить человечность человека и страх смерти, оставив после себя только преданность собаки.

Много лет спустя она часто задавалась вопросом, не повредила ли она свой разум препаратами в то время. Как еще она могла так сильно влюбиться в этого ублюдка?

По правде говоря, по сравнению с другими воинами смерти она была явно неквалифицированной. Она боялась смерти, настолько, что не возражала против того, чтобы научиться быть собакой, просто чтобы остаться в живых.

* * *

Когда вошла Сорок Три, в зале уже стояло более десяти молодых женщин, таких же, как она, с лицами, скрытыми черным. Она прошла сквозь них, не оглядываясь, и встала на колени перед бисерной занавеской, разделявшей зал, устремив взгляд на фут впереди своих колен.

«Мастер».

«Кун Семнадцать заболела. Ты займешь ее место», — раздался голос из-за занавески, настолько неразличимый между мужским и женским, что это было явно намеренно.

«Да». Сорок Три ответила без колебаний, хотя она понятия не имела, какое задание ей дали.

«Хорошо, входи», — приказал голос.

Сорок Три не решилась встать, поэтому она наклонилась вперед, положила руки на землю и заползла внутрь, все еще стоя на коленях. Как только она прошла через колышущуюся занавеску, она остановилась.

Пара темно-зеленых атласных сапог с замысловатой вышивкой бесшумно появилась в поле ее зрения, и тонкий аромат проник в ее нос. Внезапно ее сердце похолодело, и прежде чем она успела понять почему, рука надавила ей на голову. Выражение ее лица слегка изменилось, но лишь на мгновение, прежде чем она вернулась в нормальное состояние, смирившись с судьбой, когда она закрыла глаза. Она позволила мощной внутренней силе войти через ее точку Байхуэй, мгновенно уничтожив навыки боевых искусств, которые она оттачивала более десяти лет.

Из ее губ вытек глоток свежей крови, и она рухнула, бледная, на пол.

«Тебе не интересно, почему я лишил тебя твоих боевых искусств?» Человек, казалось, был заинтригован ее молчанием.

Сорок Три кашлянула, все еще чувствуя металлическую сладость в горле, и тихо ответила: «Нет». В ее голосе не было и следа обиды. С тех пор, как их привели на темную фабрику,

первое, чему их научили, это не перечить.

Человек, казалось, помнил это и слегка улыбнулся, махнув рукой. «Вы все можете идти».

«Да».

К тому времени, как Сорок Три отступила из-за занавески, человек уже ушел. Она с трудом поднялась на ноги, но не осмелилась повернуться, продолжая пятиться из комнаты, стоя лицом к занавеске. Как только она переступила порог, внезапный кашель изнутри напугал ее, заставив чуть ли не споткнуться. К счастью, человек внутри этого не заметил.

Надсмотрщик ждал ее снаружи, без слов вручив ей фиолетовый шелковый мешочек, а затем устроил ей посадку в ожидающую карету.

Сорок Три знала, что внутри мешочка ее следующее задание.

* * *

Мэй Линь... Мэй Линь, да?

Она прислонилась лбом к оконной раме, слушая смех других женщин в карете. Странная смесь волнения и меланхолии затопила ее сердце. С этого момента ее будут называть этим именем. Сорок Три, число, которое следовало за ней пятнадцать лет, навсегда похоронено на этой темной фабрике — в месте, о котором она даже не хотела думать.

Отныне у нее было имя, личность и даже семья, которую она никогда раньше не встречала. Она заняла место другой женщины.

Среди трехсот красавиц, сопровождавших принцессу Цзыгу из Сианя в Даянь для дипломатического брака, она была не единственной, кого заменили. Женщины, чьи имена начинались на «Кун», были специально обучены для этой цели. Ей просто повезло воспользоваться возможностью. Возможно, после почти пяти лет обмана надсмотрщик, наконец, устал от нее и решил избавиться от нее таким образом.

Что ж, пусть так. Наконец-то она могла покинуть это место, наполненное гнилью и смертью, и увидеть прекрасные цветы, глубоко запечатленные в ее памяти. Даже без ее боевых искусств, даже с ядом в ее теле, который вспыхивал каждый месяц, это все равно было намного лучше, чем жизнь, в которой ей приходилось постоянно бороться за выживание.

Осень уже наступила. Леса вдоль официальной дороги были пышными и зелеными, с оттенками темно-красного и бледно-желтого, среди них, яркими, как весенние цветы. Но это были не весенние цветы, и когда карета приблизилась, она увидела увядшие желтые листья, кружащиеся на ветру и падающие с тихим шелестом, наполняя ее чувством мимолетной печали.

Мэй Линь не понравилось это зрелище, поэтому она отвернулась и улыбнулась, слушая разговор других женщин в карете.